

Галля-Галочка

РАССКАЗ О РАССКАЗЕ

Мы долго не хотели печатать тот рассказ. Было не до лирики. Областной отряд выходил на первое место в крае. Шеф требовал «проблем», а мы привозили из командировок бодрые репортажи и сусокающие зарисовки. Шеф был на несколько лет старше нас — он кончал в тот год МГУ. Читая наши беспроблемные опусы, он тихо ругался и говорил что-то про детский сад и профессиональную непригодность.

В штабе на дверях нашей комнаты висело: «Редакция лучшей в мире газеты «Горизонт». Нам казалось, что газета — это какое-то живое существо, постоянно голодное, постоянно требующее к себе внимания. Да мы и любили ее, как живую, и жили, пожалуй, только ею. А жизнь была похожа на замкнутый круг из трех частей: командировка, написание материала, верстка. На попутных мы носились по всему краю, лезли по лесам студенческих строек, а потом возвращались обратно в редакцию. Здесь из каракулей в блокнотах в муках рождались наши шедевры. И тут начиналось самое страшное для меня, ответсекретаря, — верстка.

Верстал «Горизонт» неунывающий казах по имени Жора. Он любил хорошие сигареты и не любил работать бесплатно. Ровно в пять он снимал халат и вешал его на гвоздь, хотя мы не успевали обычно всего часа на полтора, я угощал Жору сигаретой и бежал к мастеру наборного цеха убеждать его, что, если не заплатить Жоре сверхурочные, четыре тысячи человек останутся завтра без газеты. Без самой лучшей в мире газеты. Мастер говорил долго и одноотично, я старался кивать головой и не слушать, но в мои бедные уши влетали все-таки отдельные слова: план... график... неумки... чему вас учат... Заканчивал мастер всегда одинаково.

— Эх, с разными мне приходилось работать, но с такими... (С какими, именно, он никогда не говорил. Вероятно, это было самое страшное из всех внесловарных слов).

Потом он подходил к нашему талеру и произносил долгожданное:

— Ладно, Жора, закончи им сегодня. Заплатим.

И ухалил, презрительно замолчал. А Жора надевал халат и снова брал в руки шило. Газета выходила.

Все начиналось сначала — мы уезжали в командировку.

Так что сами видите — тут было не до лирики. А рассказ этот показался нам именно лирической размазней. Назывался он «Галля-Галочка», был, естественно, о любви и начинался, к тому же, со стихов:

У магазина «Фрукты-овощи»,
Как будто чем поражена,
Как будто ожидая помощи,
Стояла девочка одна...

Говорили еще, что автор безответно влюблен в геронню своего рассказа. Ну разве могли мы поместить такое в газете, каждый материал который бил в одну точку — «Дашь первое место!»?

На этот раз я выпросился ехать в самый дальний район.

— Кстати, там в каком-то отряде эта Галля-Галочка живет, — сказали мне на прощанье.

— Смотри, старик, не влюбись, да не останься — кто «Горизонт» будет делать?

— И Жора с мастером без тебя заскучают.

Что-то, а затрапку мои друзья любил.

И я уехал. Триста километров в один конец, машина до самого районного штаба, разговорчивый шофер и бесконечная налитая зерном степь. Был конец августа, и в придорожных озерах спокойно плавали непуганые утиные выводки.

В райштабе я неожиданно встретился с автором. Это был высокий рыжий парень. Он тоже мотался с двумя друзьями по совхозам, вся троица носила название «киногруппа» и снимала о студентах-целинниках фильм. Я обстоятельно объяснил, почему рассказ не был помещен в «Горизонте». Толя (так звали рыжего) встал, отошел к окну и вдруг, резко повернувшись, заорал:

— Как вернешься, сейчас же вышлай мне рукопись! Я не желаю, чтоб она валялась в вашей паршивой редакции! Пижоны! Понял, понял ты меня?!

И выскочил из комнаты.

На шум прибежал замполит.

— Ты уж, старик, на Толю нашего не обижайся. Горячий он. Да и не в рассказе тут, собственно, дело.

Из штаба я поехал дальше — в отряд, про который говорили, что ребята там плюют на все, кроме денег, и поэтому у них не совсем спокойно.

Отряд оказался большой, и действительно, неспокойный. Целый день я ходил по объектам, разговаривал с плутоватыми бригадирами, с плачущей девчонкой-замполитом, рылся в документах. Когда до конца работы осталось часа три, устал и попросил отвезти меня на дальний объект, где еще не был. Слез с машины, поздоровался с парнями, отошел от стройки и с удовольствием бухнулся в траву. Влокот был заполнен, и все было ясно. С утра — в редакцию.

Лежать на виду у работающих людей не очень-то хорошо, решил я, и благородно поднялся. С наветренной стороны девушка разводила костер от комаров — вече-

ром комары очень мешают работать. Она стояла на коленях спиной ко мне и раздувала пламя. Крупные белые хлопья пепла медленно садились ей на плечи.

— Давайте помогу.

Она быстро обернулась. С разгоряченного лица на меня смотрели огромные, слезящиеся от дыма, удивленные глаза.

— Здравствуйте, Галля! — неожиданно для самого себя сказал я.

— Здравствуйте, но откуда вы знаете мое имя?

Я не ответил, я стал раздувать костер, потому что был вечер, а комары очень мешают во время работы.

Я думал, думал о глупых молодых утках, о неунывающем Жоре, о Чехове, который написал рассказ «Красавицы» и о Толином рассказе, который мы не напечатали. Думал о тяжелой пшенице и о том, что я обязан критиковать этот отряд, думал о словах районного замполита и о том, что все это, наверное, и есть — счастье.

Пламя разгорелось, и мы набрали в него зеленой сочной травы. Дым повалил гуще.

А что было потом? Потом я вернулся в редакцию и разыскал отвергнутый рассказ. Листы были перепутаны, и последний, пятый, лежал сверху. На нем было написано:

«...И снова идет дождь. Не дождь, а ливень. По окну текут и текут крупные капли. И ветер. Здесь он сильный и долгий. А ты где-то совсем-совсем близко. На стройке. На нашей студенческой стройке. Иногда ты снишься мне девочкой из витрины фруктового магазина. Только тебе все это совершенно не нужно. Может, ты до сих пор не можешь привыкнуть к этой распянутой для всех ветров степи, вокруг тебя кирзовые сапоги и разбитые сердца. Но ты молчишь и не хочешь читать мои письма. И дождь безжалостно размывает мои строчки по запотевшему стеклу. Эх, Галля-Галочка.

За окном дождь. Не дождь, а ливень. И мой молчаливый разговор с тобой».

Я со всеми переругался, но в следующем номере рассказа был напечатан.

А. ЛЕЙФЕР.